

БРАТСТВО КРАСНОЙ ПЫЛИ

РЫЧКОВ ОЛЕГ

18+

Олег Рычков

БРАТСТВО КРАСНОЙ ПЫЛИ

<https://litres.ru/74242288>

SelfPub; 2026

Аннотация

Африка. Красная пыль саванны Серра-Бравы смешивается с кровью и дизельным выхлопом. Алексей Шитов — агент ГРУ под прикрытием, чья легенда сгорела вместе с его джипом. Его цель — оружейный барон Резак, снабжающий враждующие группировки оружием. Но когда сквозь прицел он узнает в бароне своего сослуживца майора Соболева, простая операция по ликвидации превращается в личную войну.

Зараженный тропической малярией, преследуемый французским флотом и преданный собственным командованием, Шитов должен сделать выбор, от которого зависят тридцать тысяч жизней. Уничтожить старого друга или спасти колонну русских беженцев, которых тот же друг привез умирать в эту пустыню?

«Братство красной пыли» — это история о выгорании, где нет хороших парней. Только мертвые, убийцы и те, кто еще пытается остаться людьми на краю света. В стиле Far Cry 2: жестокий экшен, вязкие перестрелки, гнетущая атмосфера безысходности и тяжелый моральный финал без победителей.

Олег Рычков

БРАТСТВО

КРАСНОЙ ПЫЛИ

Братство красной пыли Глава 1

Кондиционер в «Ленд Крузере» сдох ещё три дня назад, где-то между заброшенной алмазной шахтой и пересохшим руслом реки. Теперь единственным движением воздуха в салоне был горячий сквозняк из разбитого окна да рой мясных мух, бьющихся о приборную панель. Алексей Шитов вытер пот со лба тыльной стороной ладони. Ладонь вернулась грязной. Это была не дорожная пыль Серра-Бравы — это была красная пыль, мелкая, как мука высшего помола, пропитанная вековой ржавчиной и кровью. Она въедалась под ногти, скрипела на зубах и намертво цементировала рубашку на спине.

В зеркале заднего вида отражалось его лицо: сорокалетний мужчина с сеткой лопнувших капилляров на щеках и глазами цвета выгоревшего песка. Легенда у него была паршивая — торговец запчастями для дизельных генераторов, Йохан ван дер Меер из Кейптауна. Документы напечатали в управлении на принтере, который давно просил калибровки, но для местных полевых командиров этого было достаточно. Здесь человеческая жизнь стоила дешевле ящика просро-

ченных антибиотиков, а доверие измерялось количеством патронов в магазине.

КПП «Рубеж-7» выглядел как гнойник на теле саванны. Сваренные из корабельной стали ежи, обмотанные колючкой, пара сожжённых микроавтобусов в качестве баррикад и флагшток, на котором вместо флага болтался полуистлевший матрас. У шлагбаума сидели «Железные скорпионы». Их командир, огромный негр без одного уха, лениво очищивал тушку какой-то птицы прямо над открытым цинком от патронов 5.45. Гильзы внутри уже покрылись зеленоватой окисью.

Алексей остановил машину за десять метров, поднял руки и улыбнулся. Зубы после местной воды тоже приобрели желтоватый оттенок. — Запчасти, — крикнул он на ломаном французском. — Для «Катерпилларов». Дизель.

Командир «Скорпионов» даже не повернул головы. Он достал из-за пояса мачете и одним точным движением отсёк птице голову. Кровь тёмными каплями упала в рыжую пыль. — Открывай, — бросил он через плечо двум мальчишкам с китайскими «Типами».

Малярия висела в воздухе невидимым туманом. Шитов чувствовал её запах — сладковатый, металлический, похожий на кровь, смешанную с перезревшими фруктами. Беженцы, жавшиеся к обочине в ожидании прохода, тряслись так, словно стояли на морозе. Сухая дрожь. Первый симптом. Спазм сводит икры, потом поднимается выше, пере-

хватывает дыхание, а следом приходит жар, превращающий внутренности в расплавленный свинец. Один из пацанов-конвоиров вдруг согнулся пополам, его вырвало желчью прямо на берцы стоящего рядом товарища. Товарищ отреагировал мгновенно — приклад автомата врезался больному в висок. Тело рухнуло в красную пыль, подняв облачко, которое тут же осело на трупное пятно рвоты. Обыскивали поверхностно. Заглянули в кузов, пнули ногой ящик с муляжами форсунок, пролистали липовые накладные. Им было скучно. Война длилась здесь так долго, что превратилась в рутину, хуже сбора урожая. — Проезжай, белый, — буркнул одноглазый, сплюнув комок мокроты. — И молись, чтобы твои запчасти подошли. Если «Скорпионы» останутся без света, они начнут резать гражданских просто ради развлечения. Электричество им нужно для телевизоров, чтобы смотреть, как режут других.

Шитов кивнул, сел за руль и аккуратно тронулся с места, объезжая лужу запекшейся крови у ворот. Сердце стучало ровнее, чем можно было ожидать. Адреналин хорош в первые пять минут стычки, потом он выжигает нервную систему дотла. А у Алексея этот ресурс заканчивался. Как и запасы хинина в нагрудном кармане. Последнюю таблетку он разжевал перед рассветом. Следующую предстояло найти в Порт-Нуаре, если он до него доедет.

Дорога петляла между баобабами. Ветки царапали борта машины, оставляя на краске белые полосы содранного

лака. На двадцать второй минуте пути рация, настроенная на открытую волну переговоров группировок, захрипела: — ...красный песок... северная тропа... колонна два грузовика...

«Дети Красного песка». Конкуренты «Скорпионов». Те самые ублюдки, которые минируют дороги детонаторами от советских гранат Ф-1, потому что промышленные взрыватели слишком дороги.

Тропа пошла на подъём. Справа открылся вид на котловину — огромное высохшее озеро, дно которого было покрыто трещинами, напоминающими старческую кожу. Именно там, среди остовов брошенных рыбацких лодок, по данным разведки, Резак устроил перевалку оружия. Оружейный барон. Человек-фантом. По документам управления — майор Соболев. Бывший сослуживец Шитова по Кабулу восемьдесят восьмого года. Тогда они делили одну палатку, один фильтр для воды и одну проститутку на двоих. А теперь Соболев продавал ПЗРК тем самым людям, которые сбивают гуманитарные вертолёты ООН.

Алексей ударил по тормозам. Инстинкт сработал на долю секунды раньше звука. Свист был тихим, почти игрушечным. РПГ-7. Реактивная граната прошла в метре от капота, врезалась в баобаб позади и оглушительно лопнула. Дерево окатило «Крузер» дождем из щепок и горячей листвы.

Мир сузился до перекрестия прицела. Шитов нырнул вправо, перекачиваясь по спекшейся земле прежде, чем вто-

рая граната превратила его внедорожник в погребальный костёр. Краем глаза он увидел их — пикапы «Красного песка», вылетающие из сухой низины. Три машины. Пулемет «Утёс» на головном, установленный кустарно, на сварной турели.

Он вскинул свой АК-12. Прицел запотел изнутри от разницы температур. Палец лег на спусковой крючок, но металл обжёг кожу — ствол раскалился просто от лежания на солнце. Первая очередь ушла в молоко. Песчинка попала в затворную раму, и автомат издал глухой щелчок. Клин. Классика африканского сафари.

Шитов сорвал с разгрузки шомпол-ёршик. Руки дрожали. Это начиналось не от страха. Внутренняя температура ползла вверх. Термометр в голове показывал тридцать восемь и две. Озноб бил колени друг о друга. Малярия приветствовала своего нового носителя салютом из вражеских пуль.

— Работаем, работай! — прохрипел он сам себе, выбивая песком заклинивший патрон.

Пулеметчик на головной машине дал длинную очередь. Пули прошли воздух там, где секунду назад была голова Алексея. Он наконец загнал патрон в патронник. До машин оставалось семьдесят метров. Расстояние хорошего ножа или гарантированной смерти. Вторая пуля ударила в лобовое стекло, но не пробила его — тройной триплекс лишь покрылся паутиной трещин, осыпав колени Алексея стеклянным крошевом. Он уже стоял на земле, пригнувшись за передним колесом. Жар от раскаленного металла «Крузера»

жег плечо сквозь пропотевшую рубашку. Пулеметчик скорректировал огонь. Трассеры прошли запаску на задней двери. Резина с громким хлопком лопнула, обдав Шитова облаком горелой сажи и вонючего дыма.

Он передернул затвор АК-12. На этот раз механизм сработал чисто. Алексей высунулся из-за защиты ровно на полторы секунды — время, за которое сердце успевает сделать четыре удара. Поймал в прицел стрелка в кузове второго пикапа. Тот перезаряжал подствольный гранатомет трясущимися руками. Не малярия — просто страх и дешёвый синтетический стимулятор, от которого зрачки превращаются в черные точки. Алексей потянул спуск. Очередь из трех патронов вошла боевику точно в грудь. Бронежилет выдержал, но кинетическая энергия отбросила тело назад, впечатав головой в железную стойку кузова. Человек обвис. — Минус один, — выдохнул Шитов. Воздух обжигал легкие.

Головной пикап с «Утесом» пошел на второй заход, срезая угол. Водитель был либо гением, либо самоубийцей — он вел машину боком, скользя по красной пыли в управляемом заносе. Турель повернулась. Дуло пулемета уставилось Алексею прямо в переносицу. Расстояние — сорок метров. С такого расстояния пятьдесят четвертый калибр разорвет человека пополам.

Шитов нырнул под днище внедорожника. Земля здесь была твердой, как бетон. Он перекатился к пассажирской стороне как раз в тот момент, когда пулеметная очередь вспо-

рола песок там, где он только что лежал. Осколки камней больно ударили по ребрам. В голове стучало уже не пульсирующе — молот бил набатом. Сорок ударов в минуту. Температура перевалила за тридцать восемь и пять. Губы пересохла и потрескались до крови. Малярийный озноб сменился липким, горячим потом. Перед глазами поплыло: ствол пулемета вдруг раздвоился, а небо из выцветшего голубого стало густо-фиолетовым. Глюк или начало комы.

— Соберись, Лёха, — просипел он. — До темноты еще шесть часов. В темноте без таблеток ты сдохнешь даже если они промахнутся.

Он достал последнюю дымовую шашку УДЗ. Рванул чеку зубами, почувствовал вкус кислого пороха и пластика. Перекинул цилиндр через капот. Через две секунды салон «Крузера» заволокло густым белым туманом. Идеальная маскировка для того, кто знает геометрию этой засады. Для тех, кто видит только плотную стену дыма.

Алексей сменил позицию. Пригнувшись, он побежал вдоль колеи, уходя вправо, к высохшему руслу. Ботинки вязли в рыхлой красной корке. Легкие горели. Ноги отказывались держать вес тела — суставы словно превратились в желе. Это было хуже, чем любая качалка в штабе округа. Хуже, чем марш-бросок на выживание под Выборгом. Там враг был предсказуем. Здесь врагом становилась собственная кровь.

Он упал за термитник, высотой в человеческий рост. Отсюда открывался отличный сектор обстрела на фланг ата-

кующих. Пикапы «Красного песка», потеряв цель в дыму, разъехались веером. Они палили вслепую, тратя драгоценные БК. Командир у них был идиотом, упивающимся властью над ржавым пулеметом.

Шитов перевел флажок предохранителя на одиночные. Выворачивал дыхание. Вдох носом — два счета. Выдох ртом — четыре. Классика снайперской школы. Только вместо оптики — калик «Обзор-ПМ», заляпанный грязью так, что красную точку едва видно. Выстрел. Водитель третьего, замыкающего пикапа, дернулся. Пуля прошла ниже края самодельного бронешита, попала в ключицу и вышла через шею фонтаном черной в багровых сумерках крови. Машина вильнула, врезалась в узловатый корень баобаба и заглохла. Из салона никто не выбрался. — Минус два.

Но радоваться было рано. Головной пикап наконец протаранил дымовую завесу. Водитель выскочил наружу, сжимая в руке РПГ. Он не видел Шитова, ориентируясь на звук последнего выстрела. До него было двадцать метров. Открытое пространство. Бег по жаре убьет Алексея быстрее, чем граната.

Лейтенант Соболев учил их этому в учебке под Ферганой. *«Если противник бежит на тебя с гранатой или базукой — не беги. Падай. Под брюхо машины. Взрыв пойдет вверх и в стороны».*

Алексей рухнул на живот, накрыв голову руками и вжимаясь лицом в горячую пыль. Вкус земли и железа во рту

стал невыносимым. Взрыв оглушил. «Крузер» подпрыгнул на рессорах. Горячий воздух волной прошелся над спиной Шитова, сорвав листья с ближайшего куста. Сверху посыпались куски горячего капота и расплавленный пластик. Когда звон в ушах немного утих, он поднял голову. Головной пикап превратился в чадающую воронку. Башка пулеметчика, вернее, то, что от нее осталось, висела на клочке кожи на ветке акации метрах в пяти позади.

Тишина обрушилась внезапно. Только треск огня и карканье потревоженных ворон. Третий пикап все еще пытался сдать назад, буксуя в песке. Последний оставшийся боевик выпрыгнул из кузова и бросился бежать пешком в сторону низины, петляя как заяц.

Алексею следовало достать пистолет и закончить дело. Инструкция ГРУ в таких случаях однозначна: свидетелей быть не должно. Любой выживший расскажет барону о белом торговце запчастями, который слишком хорошо стреляет и использует тактические дымы. Но ноги не слушались. Он попытался опереться на локоть, чтобы встать, и понял, что правая рука онемела. Пальцы скрючило судорогой.

Жар внутри перешел в стадию кипения. Мир снова качнулся. Деревья наклонились под невозможным углом. Шитов закашлялся, сгибаясь пополам. Его вырвало желчью прямо в красную пыль. Желудок сводило спазмом, но выходить было нечему — со вчерашнего дня во рту не было ни крошки. Только сейчас он позволил себе посмотреть на ра-

ну. Осколок стекла вошел глубоко в предплечье, чуть выше защитной пластины разгрузки. Кровь текла черная, венозная, смешиваясь с потом и пылью, застывая мерзкой коркой.

Это конец. Если лихорадка возьмет верх здесь, среди трупов и сгоревшего металла, разведка спишет его как пропавшего без вести. Никакого цинка, никакого почетного караула. Просто красная пыль, которая примет еще одно тело.

Нужно было двигаться. Порт-Нуар. Запас хинина должен быть у врачей миссии «Красный Крест» в трущобах. Или у людей Резака. Второе вероятнее. Барон всегда держал аптечки первой категории для своих операторов. Профессиональная вежливость.

Алексей заставил себя подняться. Обошел догорающий остов своего «Крузера». Багажник чудом уцелел. Он сорвал петли монтировкой. Внутри, среди пустых канистр, лежала единственная ценность, ради которой он сюда прилетел — спутниковый телефон военного образца в титановом корпусе. Батарея показывала пятнадцать процентов. Последняя нить домой.

Он стер сажу с экрана. Набрал код экстренного канала. Гудки шли долго, съедая остатки заряда. — Центр на связи, — голос дежурного оператора в Москве звучал так, словно тот сидел в прохладном бункере под Ясенево, пил ледяной чай и смотрел футбол. Этот контраст вызвал у Шитова приступ неконтролируемой ярости. — Первый, я Зенит. Попал в контакт. Транспорт уничтожен. Имею одного раненого. Ме-

ня. Координаты скину пакетом. Нужна эвакуация. — Зенит, вас плохо слышно, — прохрипела трубка. — Повторите статус груза. — Груз аннулирован, — солгал Алексей, глядя на свой простреленный рюкзак. — Повторяю, груз аннулирован. Меняю маршрут. Иду на основную точку сбора. Конец связи.

Он сбросил вызов, не дожидаясь ответа. Правила игры просты: агент на территории важнее легенды. А легенда о Йохане ван дер Меере сегодня официально умерла в огне вместе с японским двигателем.

Шитов забросил автомат за спину, взял бутылку теплой воды из уцелевшей сумки и побрел на запад. Солнце висело в зените, превратившись в белый прожектор слепоты. Красная пыль поднималась из-под ботинок и оседала на штанинах. Каждая мышца кричала от боли. Озноб вернулся, теперь уже с удвоенной силой, тряся кости так, что лязг зубов отдавался болью в челюстях.

Впереди, миражом над дрожащим горизонтом, вставали трубы порта. Порт-Нуар. Город, который высасывает жизнь и ничего не дает взамен. Место, где прячется майор Соболев. Сослуживец. Брат.

Глава 2

Порт-Нуар встречал запахом гниющих водорослей, неочищенных сточных вод и жженой резины. Город лепился к скалам, как ракушки к днищу старого танкера. Бетонные коробки многоэтажек сменялись жестяными лачугами,

на крышах которых сушилось тряпье цвета дорожной грязи. Алексей шел по главной улице — если можно было назвать улицей узкий желоб между домами, заваленный мусором и битым кирпичом.

Малярия перешла в наступление. Теперь она была прицельно. Каждый шаг отдавался ударом молота в затылок. Желудок пытался вывернуться наизнанку, хотя был пуст уже вторые сутки. Зрение сузилось до туннеля: Шитов видел только то, что находилось прямо перед ним. Всё остальное тонуло в сером тумане периферии. Люди вокруг двигались медленно, словно под водой. Торговцы жареной требухой, дети с автоматами Калашникова, которые были выше их самих, женщины с лицами, покрытыми ритуальными шрамами-узорами. Никто не смотрел ему в глаза. В Порт-Нуаре прямой взгляд означал вызов, а человек, истекающий потом и хромающий на правую ногу, выглядел легкой добычей.

Он свернул в переулок, который местные называли «Аллеей шепотов». Здесь торговали всем: от ворованных систем спутниковой связи до донорской крови сомнительного происхождения. Нужная ему дверь находилась в подвале бывшей прачечной. Над входом висела ржавая вывеска «Клиника доктора Мбиди», нарисованная облупившейся белой краской поверх старой рекламы стирального порошка.

Внутри пахло спиртом, застарелой мочой и безнадежностью. Приемный покой представлял собой комнату с земляным полом и одной лампочкой Ильича, которая мигала с ча-

стотой сердцебиения умирающего. На кушетках из сварной арматуры лежали люди. Они молчали. Их кожа имела тот особый пепельно-серый оттенок, который бывает только у трупов или у тех, кто находится на последней стадии церебральной малярии. Мухи ползали по открытым ртам, но пациенты даже не пытались их согнать — у них не осталось сил.

— Мне нужен хинин, — прохрипел Алексей, опираясь о косяк. Голос сел окончательно. — Пять таблеток. И физраствор. Из полумрака выдвинулся силуэт. Доктор Мбиди оказался высохшим стариком в очках, перевязанных изолентой на переносице. Он держал в руках шприц без иглы. — У тебя лихорадка, белый, — констатировал он равнодушно, как метеоролог, объявляющий дождь. — Твои глаза пожелтели. Это не простая грязь. Печень отказывает. Хинин я тебе дам, но через два часа ты начнешь видеть тени людей, которых здесь нет. Через четыре — попытаешься с ними заговорить. А через шесть твой мозг сварится вкрутую. — Сколько? — перебил его Шитов, доставая из внутреннего кармана пачку мятых долларов. Лицо на Бенджамине Франклине расплывалось, превращаясь в маску демона. — За пять таблеток? — доктор взял деньги, посветил на них фонариком и тут же спрятал куда-то в недра своего грязного халата. — Этого хватит на одну ампулу artesunate. Хорошее лекарство. Быстро убивает плазмодий. Но оно сожжет твои почки. Ты выживешь сегодня, чтобы умереть от почечной недостаточности

завтра. Отличная сделка для Серра-Бравы. — Давай, — выдохнул Алексей.

Укол в вену обжег огнем. Лекарство действительно действовало быстро. Уже через минуту тошнота отступила, уступив место звенящей пустоте в голове. Озноб прекратился. Шитов смог наконец разогнуть спину. Мир перестал плыть, зато обрел пугающую резкость. Каждая трещина на бетонной стене теперь казалась ущельем. — Дыши глубже, — бросил Мбиди, выбрасывая шприц в картонную коробку. — И иди своей дорогой. Если люди Резака увидят тебя рядом с моей клиникой, они выжгут этот квартал просто ради профилактики. — Где мне найти твоего хозяина? — спросил Шитов, застегивая куртку. Суставы пальцев всё еще плохо слушались. — Барон не принимает посетителей, — усмехнулся старик, обнажая беззубые десны. — Особенно таких бледных. Тебе нужно доказать, что ты стоишь его времени. Иди в доки. Сектор Гамма. Там стоит сухогруз «Счастливый Иосиф». Флаг Панамы, команда — сброд со всего побережья. Капитан задолжал Резаку партию стволов. Забери груз. Принеси накладные барону. Тогда он продлит тебе визу на жизнь.

Алексей вышел обратно в пекло улицы. Артесунат разогнал кровь, даря ложное чувство бодрости. Оно всегда обманчиво — это пик перед самым глубоким падением. Нужно успеть сделать дело до того, как вторая волна болезни собьет его с ног.

Доки сектора Гамма охраняли бойцы группировки «Дети Красного песка». Те самые, чей пикап Алексей сжег час назад. Его узнали сразу. Стоило ему выйти из лабиринта складов на открытое пространство пирса, как дюжина стволов уставилась ему в грудь. — Мясник! — крикнул кто-то с вышки. — Тот самый русский, который убил Жнеца! Шитов вскинул руки. Медленно. Очень медленно. Патрон в патроннике АК-12 давно перекочивал в магазин убитого боевика, сам автомат остался лежать в остове сгоревшего «Крузера». Сейчас он был абсолютно гол. — Я к Резаку, — сказал он громко, стараясь перекрыть шум прибоя и крики чаек. — Дело есть. Груз капитана «Иосифа».

Навстречу вышел командир поста. Огромный детина, чье лицо было полностью покрыто татуировками пауков. Вместо левой кисти у него был закреплен крюк из нержавеющей стали. — Барон не ждет гостей, — прогудел он. Голос звучал так, будто говорил сквозь трубу. — Передай ему, что пришел Йохан ван дер Меер, — соврал Алексей, глядя прямо в черные глаза-пуговицы. — Скажи, что я привез привет от майора Соболева. Из Кабула. Восемьдесят восьмой год.

Татуированный замер. Крюк на руке дрогнул. Имя Соболева сработало как электрошокер. Среди этого зверья слухи распространялись быстрее звука. О русском инструкторе, который учил местных убивать друг друга эффективно, ходили легенды. То ли он живьем скармливал пленных крокодилам, то ли мог попасть пулей в глаз мухе с пятидесяти мет-

ров. Истину знал только песок. — Жди здесь, — буркнул командир. — Дернешься — пойдешь кормить рыб. Без крюка.

Его не обыскивали. Просто заперли в металлическом контейнере для перевозки бананов. Внутри стояла вонь сладкой гнили и аммиака. Стенки раскалились на солнце так, что к ним нельзя было прислониться. Температура внутри была градусов под шестьдесят. Алексей сполз по стенке на пол. Артесунат заканчивал свое действие. Лихорадка возвращалась. Она пришла не постепенно — её спустили с цепи. Зубы мгновенно начали отбивать дробь. Кожа покрылась ледяной испариной, несмотря на адскую жару снаружи. Перед глазами поплыли пятна. Сначала синие, потом красные. «Тени», — вспомнил слова доктора. В углу контейнера, там, где сходились гофрированные листы металла, сгущалась тьма. Она приняла форму человека в советской горке. Лицо скрывал капюшон, но Шитов знал, кто это. Лейтенант Гриша Сомов. Погиб в Герате в восемьдесят девятом от разрыва минометной мины. От него осталась только каска и половина туловища. Гриша поднял голову. Губы шевельнулись, но звука не было. Только шипение выходящего пара. *«Ты тоже продаешь железо, Лёха?»* — Нет, — прошептал Алексей, сжимая виски руками. — Это работа. Просто работа. *«Мы давали присягу, брат. Красной Звезде. А теперь торгуем смертью за баксы. Красная пыль смыла нашу честь, верно?»* Контейнер качнуло. Кто-то снаружи зацепил его тросом крана. Алексея швырнуло о стену. Боль отрезвила. Галлюцинация

рассыпалась пикселями, оставив после себя металлический привкус во рту.

Кран поднял ящик. Пространство погрузилось в абсолютную темноту. Только звук работающих механизмов и плеск воды внизу. Шитова везли на корабль. Если капитан «Счастливого Иосифа» узнает, что гость послан самим Резаком, проблем не будет. Если решит поиграть в героя — придется убивать голыми руками. А рук почти не осталось. Ноги стали ватными. Малярия начала переваривать мышцы.

Контейнер опустился на палубу с глухим металлическим лязгом. Замок щелкнул. Свет ударил по глазам, заставив зажмуриться. Над Алексеем стоял человек в белоснежном кителе, который выглядел издевательством посреди этой плавающей помойки. Седая бородка клинышком, золотые зубы и запах дорогого французского парфюма, смешанный с вонью корабельного мазута. — Ван дер Меер? — голос капитана был удивительно мягким для владельца пиратского судна. — Мой товар прибыл раньше срока. Приятный сюрприз. — Твой товар сейчас заберут другие люди, — прохрипел Шитов, пытаясь встать. Колени подогнулись. — Меня прислал Резак. Накладные у меня будут позже. А пока твоя задача — открыть трюм и не мешать погрузке. Капитан улыбнулся золотыми зубами. Сделал знак рукой. Из-за надстройки вышли четверо. Массивные, босые, вооруженные мачете и обрезами. Матросы-добровольцы. — Видите ли, господин торговец, — пропел капитан, доставая из кармана сигару. — У

меня конфликт юрисдикций. Резак хочет забрать мой долг пушками. А корпорация «Тайгер Майнинг», которой принадлежит этот груз лития, заплатила мне вдвое больше, чтобы я довез его до Кейптауна. Бизнес есть бизнес. Вы понимаете?

Первый матрос бросился вперед. Не с мачете — с куском стальной трубы. Алексей ушел с линии атаки чисто на рефлексх, вбок и вниз. Живот свело спазмом. Его вырвало прямо на палубу черной желчью. Второй матрос замахнулся сзади. Шитов развернулся на пятке, используя инерцию падения. Поймал руку с трубой, выкручивая сустав. Раздался хруст. Дикий вопль заглушил крики чаек. Но силы кончились. Третий ударил ногой в бок. Ребро треснуло, как сухая ветка. Боль была ослепительно-белой.

Он упал на колени. Кровь из разбитой брови заливала левый глаз. Мир сузился до ярости. Чистой, первобытной ярости загнанного зверя. Четвертый матрос занес мачете для финального удара сверху. Алексей дотянулся до кобуры капитана. Кобура была пуста. Тогда он схватил с палубы то, что оказалось ближе — тяжелую латунную деталь лебедки, выпавшую из крепежа. Время замедлилось. Он видел каждую пору на лице матроса. Видел зазубрины на лезвии мачете. Лебедка обрушилась на ключицу нападающего. Кость хрустнула, пробив кожу. Кровь хлестнула фонтаном, попадая Алексею прямо в открытый рот. Соленая, теплая, живая.

Когда палуба перестала вращаться, трое лежали непо-

движно. Четвертый уползал, волоча сломанную руку, оставляя за собой широкий красный след. Капитан сидел у фальшборта, прижимая ладони к лицу. Между золотых пальцев текла кровь. Алексей подошел к нему, забрал пистолет — тяжелый старый «Чезет» калибра девять миллиметров. — Где ключ от трюма? — спросил Шитов. Его собственный голос показался чужим. — Нижний... карман... — простонал капитан.

Алексей достал связку. Руки тряслись так сильно, что он едва попал ключом в скважину люка. Металл скрежетнул. Петли поддались. Из темноты пахнуло холодом кондиционированного воздуха и оружейной смазкой. Трюм был забит под завязку. Деревянные ящики с маркировкой Тульского оружейного завода. Автоматы АК-105. Цинки с патронами 5.45x39. РПГ-7 с запасом гранат. Это была не просто партия контрабанды. Это была полноценная пехотная рота. Или батальон беженцев, способных дать отпор.

Шитов прислонился спиной к прохладному металлу ящика. Достал из кармана телефон. Пятнадцать процентов батареи превратились в десять. Экран моргнул и стал тусклым. Он набрал сообщение координатору. Сухие факты. Координаты GPS корабля. Тип груза. Фотографии накладных, найденных в сейфе капитана. Отправить. Сообщение ушло. Последняя ниточка домой оборвалась — экран погас окончательно. Телефон умер.

Теперь он был один. На борту вражеского корабля, по-

среди нейтральных вод, с разорванным ребром, пожираемый лихорадкой, окруженный шестьюдесятью ящиками смерти. И впереди была встреча с братом.

«Счастливый Иосиф» был старой ржавой посудиной, которая скрипела на каждой волне так, словно жаловалась Богу на свою тяжелую жизнь. Корпус вибрировал от работы единственного дизеля — изношенного монстра, который чихал черным дымом и выплевывал в воду сгустки мазута. Алексея заперли в каюте капитана. Не из соображений безопасности — просто матросам было приказано не показывать живого свидетеля портовому инспектору, если тот вдруг решит подняться на борт перед заходом в доки Порт-Нуара.

Каюта пропахла дешевым ромом, блевойтой и болезнью. Иллюминатор был задраен намертво. Кондиционер гудел, но из него дул только горячий влажный воздух. Температура внутри поднялась до сорока градусов. Для Шитова это означало одно: артесунат доктора Мбиди окончательно сдался. Малярия возвращала свои права, и делала это с процентами.

Ребро болело при каждом вдохе. Алексей сидел на полу, привалившись спиной к переборке. Он пытался дышать неглубоко, используя только верхнюю часть легких, но кислорода всё равно не хватало. Перед глазами плыли желтые круги. Он достал из кармана последнюю вещь, оставшуюся от его легенды — металлическую зажигалку Зиппо с гравировкой ГРУ. Подарок Сомова за день до того, как тот подорвался на фугасе. Колесико высекло искру. Огонек осветил

тесную каморку. Тени на стенах заплясали, превращаясь в лица мертвецов. Гриша снова смотрел на него из угла, сидя на пустом ящике из-под патронов. *«Ты везешь их железо домой, брат?»* — прошелестел голос в ушах. — Я везу их смерть, — ответил Алексей шепотом. — Как и все мы. *«Соболев тоже так говорил. В Кабуле. А потом начал торговать этой смертью оптом. Стал бароном. Красная пыль делает странные вещи с памятью. Мы забываем, зачем приехали».* — Я помню, — солгал Шитов, закрывая глаза. — Я приехал убить собаку.

Двигатель издал предсмертный хрип и заглох. Корабль качнуло сильнее обычного, а затем наступила оглушающая тишина, нарушаемая лишь плеском воды о борта. Они встали на рейде. Ждали лоцмана или ночи, чтобы проскочить таможню без досмотра. Время остановилось. Каждая секунда растягивалась в минуту, каждая минута — в час пытки. Озноб бил так сильно, что стучали зубы. Алексей подтянул к себе спортивную сумку капитана. Внутри нашелся аспирин — бесполезный при тропической лихорадке, но хоть какой-то анальгетик. Он разжевал сразу четыре таблетки. Горькая меловая крошка смешалась с кровью из прокушенной щеки.

Скрежет ключа в замке прозвучал как выстрел. Дверь открылась. На пороге стоял татуированный командир «Детей Красного песка». Тот самый, с крюком вместо руки. За его спиной маячили двое автоматчиков. — Барон ждет, — бро-

сил Крюк. — И он очень не любит ждать.

Алексею помогли встать. Ноги подкосились, и если бы не стальной захват механического протеза, он бы рухнул лицом в палубную грязь. Его повели по узким коридорам надстройки. Запах менялся: вонь машинного отделения сменилась запахом дорогого сигарного дыма, выделанной кожи и озона — где-то впереди работал мощный кондиционер.

Резиденция Резака находилась на верхней палубе, в бывшем шлюпочном ангаре. Стены обшили тиковым деревом, которое уже начало трескаться от соли. Пол устилал персидский ковер, безнадежно испачканный вином. Сам барон сидел в глубоком кожаном кресле, закинув ноги на стол красного дерева. Алексей узнал его мгновенно, несмотря на то, что прошло больше двадцати лет, седые виски и шрам, пересекающий левую бровь. Это лицо снилось ему в кошмарах после возвращения из Афгана. Майор Соболев. Только теперь вместо полевой формы на нем была шелковая рубашка цвета бургунди, а вместо табельного Макарова на поясе висела открытая тактическая кобура с Глок-17.

— Лёха? — Соболев снял ноги со стола. Улыбка у него осталась прежней — широкая, наглая, мальчишеская. — Вот уж кого не ждал увидеть среди этих черножопых. Садись. Выпьешь?

Шитов остался стоять. Опора справа исчезла — Крюк отошел к двери, скрестив руки на груди. Автоматчики заняли позиции по бокам. — Где груз? — спросил Алексей. Голос

звучал хрипло, чужие связки едва справлялись. — Аккуратист, — рассмеялся Соболев, наполняя два толстодонных стакана янтарной жидкостью. — Двадцать лет прошло, а ты всё такой же деревянный. Груз внизу. Шестьдесят тонн первоклассного железа. АК-105, свежак с завода. Патроны даже в масле. Корпорации грызут друг другу глотки за этот литий, а я продаю тем, кто готов защищать свои рудники. Чистый бизнес, Лёха. Никакой идеологии. — Ты продавал оружие «Скорпионам», — процедил Шитов. — Тем, кто вырезал деревню Красный Лог месяц назад. Сто сорок гражданских. Женщины. Дети. Соболев перестал улыбаться. Поставил бутылку. Подошел вплотную. От него пахло хорошим парфюмом и властью. — Красный Лог? — переспросил он тихо. — Это те дикари, которые решили, что могут диктовать условия «Тайгер Майнинг»? Я дал «Скорпионам» стволы. Но команду "зачистить" поселок отдал директор филиала корпорации по спутниковой связи. Белозубый мальчик из Лондона. Ему нужно было создать повод для ввода миротворцев, чтобы легализовать наемников Бриггса. Я всего лишь инструмент, Алексей. Как и ты. Разница в том, что мне платят золотом, а тебе — пайком и званием, которого лишат через сутки после твоей смерти.

Он сунул стакан Алексею в свободную правую руку. Левая висела плетью — перелом ребра отдавался болью в плечо. — пей, — приказал Соболев. — Тебе плохо. Я вижу твою дрожь. Малярия сожрет тебя за три дня, если не начать нор-

мальное лечение. Хинин тут не поможет, нужна капельница. У меня есть врач. Француз. Лучший во всем регионе. Оставайся. Мне нужен начальник службы безопасности. Платить буду столько, что ты купишь виллу в Крыму и забудешь про эти пески навсегда.

Искушение ударило под дых сильнее, чем кулак матроса в доках. Крым. Прохлада. Больница. Жизнь. Но перед глазами встал образ деревни из отчета разведки. Сгоревшие хижины. Распоротые животы беременных женщин. Детские игрушки, втоптанные в красную грязь колесами грузовиков «Скорпионов». — Я здесь не ради денег, майор, — сказал Шитов и плеснул виски Соболеву прямо в лицо.

Соболев моргнул. Спиртное попало в глаза, заставив зажмуриться. На секунду он ослеп. Этого хватило. Алексей ударил стаканом. Не в голову — слишком высоко. Он ударил снизу вверх, под челюсть. Толстое стекло врезалось в кадык. Хруст. Соболев захрипел, роняя пистолет и хватаясь за горло.

Шитов шагнул вперед, перенося вес на здоровую ногу, и впечатал колено в грудь падающего противника. Ребро взорвалось вспышкой белой боли. Мир почернел на мгновение. Алексей упал на колени рядом с барахтающимся телом, схватил выпавший Глок. Крюк среагировал мгновенно. Рывок к оружию на стене. Палец Алексея нажал спуск. Сухой щелчок. Предохранитель. Он дернул затвор. Патрон вошел в патронник. Выстрел. Пуля вошла Крюку точно между глаз. Тот

рухнул назад, сметая бутылки с полки. Кровь веером брызнула на тиковое дерево.

Автоматчики открыли огонь одновременно. Очередь прошила кресло, разрывая кожу и поролон. Вторая очередь ударила в пол там, где лежал Соболев. Алексей перекатился за массивный сейф. Плечо прострелила боль — одна из пуль зацепила предплечье, раздробив кость. Рукав моментально стал мокрым и горячим. Третья очередь выбила щепки из перегородки. Патроны. Ему нужны патроны. Магазин Глока пуст. Второй магазин... пуст. Он расстрелял их еще в доках, добывая раненых.

Соболев кашлял на полу, пытаясь вдохнуть. Его пальцы шарили по ковру в поисках своего оружия. Алексей пополз вдоль стены, оставляя за собой широкий кровавый след. Выстрелы прекратились. Перезарядка. У него было секунды три. Он дотянулся до сумки одного из убитых охранников. Выдернул оттуда РГД-5. Кольцо. Зубы сжались на предохранительной скобе. Выдернуть чеку одной рукой с раздробленным плечом казалось невозможным. Он уперся кольцом в острый край выломанной панели пола. Рванул головой. Скоба отлетела. Рычаг освободился.

— Светлая память, майор, — прохрипел Шитов и швырнул гранату туда, где стояли автоматчики. Они увидели зеленый корпус слишком поздно. Один попытался отбросить её ногой, но споткнулся о труп Крюка. Взрыв потряснул корабль. Алексея подбросило взрывной волной и приложило затыл-

ком о ножку стола. В ушах зазвенело. Из носа пошла кровь. Он поднял голову. Ангар заволокло пылью и дымом. Внизу, на нижней палубе, истошно выла сирена тревоги.

Соболев исчез. Кресло, за которым он прятался, превратилось в решето. Ковер горел. Алексей выполз наружу, на раскаленную палубу. Свежий воздух ударил в легкие, принося временное облегчение. Трап вниз, в сторону кормы, где располагались жилые блоки экипажа. Там шум, паника, бегущие люди. Идеальное прикрытие.

Он скатился по трапу, зажимая рану на плече. Каждый шаг отзывался молотом в черепе. Лихорадка смеялась ему в лицо. В конце коридора мелькнул знакомый силуэт в шелковой рубашке. Соболев бежал к спасательной шлюпке, прихрамывая, но удивительно быстро.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.